

М. Е. СЕРГЕЕНКО

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНЕЙ ИТАЛИИ В ТРАКТОВКЕ НЕКОТОРЫХ БУРЖУАЗНЫХ УЧЕНЫХ

Разработка вопросов сельского хозяйства — важнейшая проблема римской истории, ибо речь идет об основном производстве древней Италии. Поэтому чрезвычайно важно правильно понять характер этого производства, которое объяснит нам основные особенности социально-политической жизни Рима. К сожалению, в трактовке этого рода явлений в трудах зарубежных ученых сказываются методологически ошибочные тенденции, присущие буржуазной науке, в частности и прежде всего в модернизировании отношений, существовавших в древности. Проследим это на конкретном примере.

Сельское хозяйство древней Италии западные историки характеризуют обычно, как хозяйство специализированное, т. е. такое, которое занято производством только одного продукта, например, вина или оливкового масла или фруктов. Если в таком хозяйстве есть еще какие-либо другие отрасли, то хозяйственного значения в широком смысле они не имеют: обзаводясь ими, хозяин имеет в виду только удовлетворить нужды собственного хозяйства. Такой характер сельское хозяйство имеет уже в II в. до н. э., как о том вразумительно свидетельствует I глава, параграф 7 катона «Земледелия», где отдельные хозяйства расположены в порядке убывающей доходности: на первом месте стоит виноградник, на втором поливной огород, на третьем лозняк, на четвертом масличный сад, на пятом луг, на шестом хлебная нива, на седьмом *Silva caedua* (оставляю пока эти слова без перевода), на восьмом виноградник, в котором лозы вьются по деревьям, и на девятом «лес, дающий жолуди», т. е. дубовый и буковый.

Этот параграф Катона понимали как шкалу доходности в течение ряда веков: от Плиния (XVII. 176; XVIII. 29) и до Мом-

мзена, Дюрюи и русских дореволюционных историков древнего мира.

Первым человеком, которого смутило такое толкование, был Тенни Франк, прекрасный знаток экономики древней Италии и тонкий исследователь, одаренный глазом острым и внимательным. В главе «Италия», помещенной в VIII томе Кембриджской древней Истории, он пишет: «Катон дает список наиболее прибыльных культур, причем, конечно, выбор их зависит от размера имения, почвы и климата, которых требует та или иная культура». Так, стоягерный виноградник хорошо разбить под Казином: подходящая почва и недалеко от Рима; огород стоит устраивать в местах подгородных, где сбыт овощам обеспечен. Выходит так, что Катон, перечисляя доходные имения, забыл сказать, где именно доход принесет виноградник, а где луг или лозянк. Как ни прихотливо письмо старого цензора, но такой пропуск совершенно невероятен. В своей книге, изданной три года спустя (в 1933 г.) «Economic Survey of Ancient Italy» Т. Франк перевел параграф Катона, о котором идет речь, так: «... если ты спросишь меня, какой вид имения я бы предпочел, если бы мог выбирать сто югеров в каком-либо превосходном месте, то я расположил бы желательное для меня в следующем порядке: во-первых, виноградник...» и т. д. Перевод этот Т. Франк сопровождает следующим примечанием: «во времена Катона, по-видимому, виноградник, огород и маслинник предпочитали хлебному полю, лесу, разведению скота и свиней. А, может быть, мы имеем здесь дело с личным предпочтением автора» (стр. 162). Таким образом, Т. Франк возвращается к общепринятому толкованию седьмого параграфа I главы Катона, как шкалы доходности отдельных имений.

Правильно ли, однако, это толкование? Оно утверждено многовековым единомыслием; его охраняет авторитет Плиния и таких исследователей, какими были и Моммзен и тот же Т. Франк. И все-таки попробуем прокомментировать это место Катона с помощью реальной хозяйственной жизни того времени. В ней имеется один совершенно неоспоримый факт: это развитие и доходность маслиноводства. «Земледелие» Катона содержит полный курс ухода за маслиной, и следуя своей манере неоднократно возвращаться к тому, что он считает важным, Катон говорит о маслине во всех отделах своей книги. Подробность и вразумительная ясность его советов, касающихся маслины, заставляет думать, что он учит своих земляков делу, для них новому. Маслина стояла раньше, по-видимому, на заднем плане и особым вниманием в хозяйстве не пользовалась. Теперь, вчерашняя золушка, она становится царицей кампанских и латинских садов. О росте маслиноводства сви-

детельствует и наличие питомников, и большие размеры садов (Катон называет 240 и 120 югеров) и наличие целых артелей, которые берут подряды на съемку маслины, и возникновение целой промышленной отрасли, связанной с работой маслоделов; три города: Помпеи, Нола и Руфры заняты изготовлением мельниц, разминавших маслины; мастерские Капуи и Нолы выпускают специальную посуду разных размеров и разной формы, потребную при изготовлении масла.

Развитие маслиноводства в это время совершенно естественно и понятно: Южная Италия опустошена Ганнибалом; ее маслинники вырублены или сожжены: отсюда масла ждать нечего. Центральная Италия должна обеспечить себя собственным маслом, но этого мало: у нее появился новый и обширный рынок: долина По. К тому времени, о котором идет речь, сюда выведен ряд колоний; страна быстро заселяется итальяскими переселенцами; прекрасные дороги связывают ее с Лацием и Кампанией. В долине По маслина не растет, а новоселы требуют и масла, и маринованных и засоленных маслин. Возрастают и местные потребности: развитие маслиноводства становится для Средней Италии первоочередной хозяйственной задачей. Почему же эта статья поставлена у Катона на четвертом месте? Были статьи более доходные? Да: огород и лозняк, стоящие на втором и третьем месте в «шкале доходности». «Как же так?».

Огород был несомненно доходной статьёй в *suburbanum*, и Катон советовал хозяину обзавестись там огородом; столетие спустя Варрон этот совет повторил (I.16.3). *Suburbanum*, однако, Катон выделил как особую хозяйственную единицу, склад которой предписан требованиями городского рынка. В параграфе, который мы разбираем, речь идет не о *suburbanum*. Так ли велик спрос на овощи в маленьких кампанских городках, чтобы около них стоило разбивать большой промышленный огород в 25 га? Да и не один, поскольку огород рекомендовался всем, как доходнейшая статья? При этом стоит вспомнить, что значительная часть горожан в этих городах была сама землевладельцами, получавшими продукты из собственных имений, и что время Катона было временем еще большей простоты нравов, когда о спарже только-только услышали, артишоков никто не знал, а выращивать такую капусту, что она «не помещается на столе у бедняка» (Пл. XIX. 54), огородники еще не умели. Тот же Плиний называл овощи «грошовой вещью»: «огород — вот рынок для бедняка» (XIX. 52). Просмотрев список овощей у Катона, мы должны будем признать, что определение «грошовой вещь» для них самое подходящее. Это капуста, редька, чеснок, поррей, мак и разные острые травы:

мята, рута, кориандр, укроп, анис, тмин. Если мы посмотрим овощной ассортимент у Плавта и Луцилия, то к перечню Катона придется еще прибавить: щавель, свеклу, лебеду и горчицу. Редко мелькнут огурцы и тыква-горлянка. И все эти овощи дадут доход больший, чем маслины, и почти равный доходу с виноградника? Удивительно. Удивление наше еще возрастет, когда мы перейдем к лозняку. Он стоит, следуя обычному толкованию, на третьей ступени доходности, т. е. он доходнее маслинника. Лоза в Италии была подсобным растением для виноградника. Для него требовались колья (для этого обычно брали ветви каштанов), тростник для переплетов и шпалер и ивовые прутья для подвязыванья виноградных ветвей. Колумелла писал, что прежде чем обзаводиться виноградником, нужно обеспечить его «приданым»: «если у хозяина его нет, то нечего ему и устраивать виноградник, потому что, помимо расходов на покупку, придется еще думать и о доставке, которая оказывается обычно очень затруднительной; заниматься ей ведь придется зимой, в самое неподходящее время» (IV. 30. 1—2). У Катона в персонале его стоюгерного виноградника был один саликтарий, т. е. человек, которому был поручен уход за лозняком. Один югер лозняка давал материалу достаточно для подвязки 25 югеров виноградника. Это значит, что хозяин, засадивший лозой 100 югеров, должен был иметь по соседству с этим участком по крайней мере 25 виноградников, общей площадью в 2500 югеров, которые из года в год нуждались бы в прутьях для перевязей. Вряд ли такой расчет оправдывался реальной хозяйственной ситуацией уже хотя бы потому, что каждый виноградарь стремился обзавестись собственным ивняком. Излишки оттуда можно было продавать, и об этой продаже говорит и Катон (9), а через сто лет скажет и Варрон, но сделать лозняк единственной хозяйственной статьей в своем имени и отвести под него стоюгерный участок, на это не решился бы ни один трезвый хозяин. Может быть, в какой-то год лозняк и принес бы доход, окупивший расходы на его посадку и обработку, но этот случайный доход никак нельзя сравнивать с верным и постоянным доходом от маслинника или от хлебного поля: Италия (кроме Рима) жила своим хлебом, и рынок неизменно требовал и масла, и хлеба.

Перейдем теперь к последним ступеням катоновской лестницы: седьмую ступень на ней занимает *silva caedua*, восьмую виноградник, где лозы вьются по деревьям (*arbustum*) и девятую буковый и дубовый лес.

Что такое *silva caedua*? Перевод этого слова и у Георгеса и у Форчеллини не дает ясного представления; «*Thesaurus linguae latinae*» приводит тексты, которые позволяют раскрыть

содержание этого термина. Варрон, перечисляя работы, которые следует выполнять при убывающей луне, называет срезывание колосьев и *caeduarum silvarum* (I. 37. 2). Для обозначения обеих работ употреблен глагол *metas metere*, который ни у Варрона ни в латинском языке вообще никогда не употребляется в значении «рубить»: объединяя одним глаголом работу жнецов и работников в *silva caedua*, Варрон имел в виду одинаковый характер работы: резанье. Колумелла, говоря о предпочтении, которое его современники оказывают скотоводству перед виноградарством, пишет: «...многие ... полагают, что лучше иметь луга, пастбища и *silvam caeduatam*» (III. 3. 1): все три категории владений дают продукт, нужный для кормежки скота. Плиний рассказывает о разных способах разведения деревьев: «...сама природа научила сажать семена: они ведь, упав на землю и будучи ею приняты, оживают. Некоторые деревья только так и растут, например, каштаны и грецкие орехи, кроме впрочем *caeduis*» (XVII. 52). Деревья эти, следовательно, бывают *caeduae* и в этом случае сажать их семенами не требуется. Приведем еще Dig. 50, 16, 30: «Сервий говорит, что *silva caedua*, это лес, который, будучи срезан, вновь отрастает от комлей и корней». Иными словами, *silva caedua* — это кустистый подлесок, который срезают на корм скоту. И этот подлесок оказывается более доходным, чем дубовый и буковый лес, поставляющий превосходный строительный и столярный материал? И он выгоднее, чем *arbustum*, т. е. тот вид виноградника, в котором только и росли некоторые превосходные сорта винограда, например, знаменитая аминейская лоза, один из лучших винных сортов, который в *vinea* хорошо шел только на Везувии, а в остальной Италии требовал посадки возле деревьев. Номенданская малая (хороший сорт) предпочитал виться по деревьям, а не по шпалерам (Кол. III. 2. 11 и 15). Знаменитое цекубское давали лозы, «обвивавшиеся вокруг тополей» (Пл. XIV. 61). Такой превосходный хозяин, как Скрофа, считал *arbustum* наиболее выгодным способом устройства виноградника (Пл. XVII. 199; Варр. I. 8. 1). Плиний перечислил выгоды от виноградников этого типа: «...здесь не надо ни чубуков, ни плантажа, не надо тратить на вскапыванье земли. Мало того: в *arbustum* земля принесет еще урожай злаков, причем это пойдет на пользу лозам. Сверх того, высота деревьев защищает лозы и не нужно здесь в ограждение от животных ни стены, ни забора, ни рва» (XVII. 203). Но и *arbustum* оказывается менее доходен, чем кустарник, весь доход с которого это листья — продукт, никогда не поступавший в продажу. И что будет делать хозяин, у которого все 100 югеров обработаны в такую *silva caedua*? Листья отнюдь не были единствен-

ным кормом для скотины: в рационе овец и волов Катон называет хлебную мякину, бобовые, виноградные выжимки, жолуди, сено, солому и траву. Вспомним, что ни Лаций ни Кампания не были овцеводческими районами: тысячных отар здесь не держали. На какой доход мог рассчитывать владелец ста югеров подлеска, причем больший, чем от виноградника и строевого леса?

Итак, реальный комментарий к I главе, параграфу 7 убеждает нас, что тут мы имеем вовсе не «шкалу доходности с участками в сто югеров». Что же тогда?

Лучшую «пояснительную записку» к этому месту дал Колумелла, который сам был прекрасным хозяином, мог по достоинству оценить Катона и нередко пересказывал его мнения, обычно с некоторыми дополнениями. Вот что он пишет: «...если судьба улыбнется нам, то у нас будет имение в здоровой местности с плодородной почвой, раскинувшееся частью на равнине, частью на холмах, полого спускающейся к востоку или к югу... оно недалеко от моря или судоходной реки. Под усадьбой лежит равнина, на которой находятся луга, пашни, лозняк и насаждения тростника (катоновы: луг, хлебная нива, лозняк)... холмы оденутся масличными садами, виноградниками и посадками, которые в будущем дадут колья для лоз, а также строительный материал; будут там и пастбищные участки, а сбегаящие ручьи оросят огород и лозняк... (маслинник, виноградник и огород Катона). Такое поместье редко кому достается; близко к нему такое, в котором есть большая часть перечисленных угодий; сносно такое, в котором их хоть несколько» (I. 2. 3—5). Итак, вот что имел в виду Катон в главе I, параграфе 7: не «шкалу доходности» отдельных угодий, а цельное имение, в котором представлен ряд сельскохозяйственных отраслей. Это толкование подтверждается и точным смыслом катовых слов: «...если ты спросишь меня, какое имение будет первым, я скажу так: ото всех участков и в самом хорошем месте сто югеров: первый — виноградник, во-вторых...» и т. д. — *de omnibus agris optimoque loco ingera agri centum...* Слово «ager» Катон употребляет в трех значениях: 1) «округ», «область» 1.4 и 136; 2) «имение» 3. 1; 6. 1; 105. 1 и 3) «участок»: подходящим будет только третье значение. Так же понимал это место и Варрон (ч. ч. 1. 7. 9): «Катон ... располагая по ступеням одно имение над другим, говорит, что лучшее имение заключается в девяти различных статьях, ибо первым [участком] будет тот, где виноградники дадут много хорошего вина, вторым тот, где огород» и т. д.

Может быть, однако, это «первое имение», относительно которого Колумелла меланхолически заметил, что редко кому

удается обзавестись таким, было вообще мечтой, в действительности неосуществимой? Посмотрим, каким было реальное хозяйство Катона, которое он вел в своем масличном саду, занимавшем площадь в 240 югеров. Судить об этом можно на основании списка рабочих и хозяйственного инвентаря, который составлен опытным и расчетливым хозяином.

Прежде всего оказывается, что при этом маслиннике разводят овец и свиней, причем в количестве не малом: число овец названо — их сотня; для свиней хозяин держит отдельного пастуха, которому полагалось с помощью нескольких подпасков пасти стадо тоже в сто голов (Варр. II. 4. 22). В маслинник, конечно, пустить свиней нельзя; хозяин должен был заранее позаботиться о пастбище для них и обзавестись «лесом, который дает жолуди». Овцы могли некоторое время пастись в маслиннике, но их отнюдь не держали круглый год на подножном корму: для них запасали сено и листья: при маслиннике был луг и *silva caedua*. Вспомним, что Катон советовал делить навоз между маслинником, нивой и лугом (29). В инвентаре его маслинника есть орудия, свидетельствующие о том, что тут было и зерновое хозяйство: серпы, которыми жали солому (10.3). Хозяин продает не только вино и масло, но и зерновой хлеб; его сеют с расчетом не только на свое хозяйство (2. 7). Колумелла пишет, что маслинник обычно делили пополам: одну часть засевали хлебом, а его естественно сменяли бобовые, служившие зеленым удобрением. Перед нами пять хозяйственных статей; их дополняет виноградник, упомянутый в гл. 11-й. Вспомним, что в древней Италии существовала хозяйственная традиция иметь землю в нескольких местах: если по условиям почвы или климата имение можно было использовать только для какой-либо одной культуры (хлебное поле; виноградник), то такое имение являлось обычно лишь одной единицей, входившей в состав единого сельского хозяйства. Маслинник Катона, в котором мы насчитали пять хозяйственных отраслей, и виноградник составляли единое хозяйство.

Положение дел не изменилось с течением времени: в I в. до и I в. н. э. хозяйство отнюдь не становится специализированным: это подтверждается и нашими литературными источниками и археологическим материалом. Описывая устройство деревенской усадьбы, наши источники неизменно упоминают ток, погреба для вина и масла и хлебные амбары (Варр. I. 13. 5—7; Кол. I. 6. 9—11). Плиний Младший, говоря о своих имениях, называет хлебные нивы и виноградники; к ним добавляются или леса, или луга (III. 19. 5; V. 6. 18). «В сельском хозяйстве, — пишет он, — я у себя завожу не только *vinea*, но и *arbusta* и хлебные нивы» (I. 20. 16). Даже в лаврентском по-

местье, которое, по его словам, давало только урожай его литературных произведений, были виноградник, фруктовый сад и «тучный деревенский огород» (II. 17. 14—15).

Очень много для характеристики хозяйства Кампании дают раскопки деревенских усадеб под Помпеями. Каррингтон, занимавшийся этими усадьбами, вынужден был признать, что хозяева маленьких имений (а таких под Помпеями было, по-видимому, большинство) занимаются одновременно и виноградарством и зерновым хозяйством (R. C. Carrington. *Studies in the Campanian. Villae Rusticae*, IRS, 1931, 110). Что же касается богатых усадеб, то они, утверждает Каррингтон, специализируются на одной какой-либо отрасли; Тенни Франк говорит то же о знаменитой усадьбе под Боскореале (№ 13), хозяйственной характеристикой которой он подробно занялся. (T. Frank. *An Economic History of Rome*. London, 1927). По его мнению, усадьба производила на сбыт только вино; «хлеб сеяли лишь для себя, и для нужд собственного хозяйства жали масло; овец не держали вовсе» (стр. 265). Вряд ли с этим можно согласиться. Виноградник занимал в этом хозяйстве, конечно, первое место, но отвести около 55 кв. м под маслодельню, обзавестись дорогим стоящим оборудованием для того, чтобы обеспечить несколько человек маслом, вряд ли стоило. Проще было отправить за 1 1/2 км в Помпеи вьючного осла и закупить там масла. Небольшая печь и небольшая мельница говорят только о малом населении усадьбы, но не о малых размерах полевого хозяйства. Ток в 150 кв. м и амбар в 56 кв. м рассчитаны на большое количество зерна. Т. Франк вполне прав, говоря, что штата пряж в усадьбе не было, — население ее было вообще небольшим; но овец здесь несомненно держали и шерсть пряли: за это говорят найденные в усадьбе ножницы для стрижки овец и веретена и хлев, имеющий классическую форму овчарни. Если мы обратимся к другим богатым кампанским хозяйствам (№ 26 и № 34) то увидим, что они складываются по крайней мере из трех отраслей: виноградарства, полеводства и содержания скота.

Наличие по крайней мере нескольких отраслей в итальянском хозяйстве диктовалось причинами экономическими и идеологическими. И Катон, и Колумелла, и Плиний единодушно говорят о том, что масляные сады и arbusta засеивались зерном; оставлять пустой хорошую землю в широких междурядьях было бы нехозяйственно. И маслиник и arbustum после жатвы служил прекрасным пастбищем для овец, животных, которые с лихвой окупают небольшие расходы по своему содержанию. Кроме того, хозяину и для виноградных лоз, и для масляных деревьев, и для хлебных нив требовался навоз: нужно было

держат скот и выгоднее всего было обзавестись овцами. Катон не зря держал у себя в маслиннике овечьё стадо в сто голов. Овцам, однако, надо было на зимнее время и сена и листьев; небольшой луг и маленький участок с *silva caedua* являлись дополнением к маслиннику и к *arbustum*: наличие одной хозяйственной статьи требовало появления и другой. Кроме того, следует учесть психологию хозяина того времени. Катон прекрасно ее знал и запечатлел в афоризме: *patrem familias vendacem pop emacem esse oportet*. Итальянский хозяин не любил покупать: его идеалом было иметь «все свое». Это освобождало его от капризов рынка, с одной стороны, а с другой, утверждало его достоинство хозяина, владельца земли: это звание в итальянском обществе стояло высоко. Люди, которые покупали на рынке фрукты, выдавая их за произведения собственного сада, повышали себе цену (Варр. I.59.2). Марциал, вдосталь наглотаившись горького клиентского хлеба, наслаждался сознанием того, что у него есть собственные дрова и непокупные яйца. И хозяйственная обстановка, и собственные вкусы побуждали итальянца обзаводиться хозяйством отнюдь не специализированным.

Почему же такие знатоки экономической жизни древней Италии, как Т. Франк и Каррингтон, упорно объявляют ее сельское хозяйство хозяйством специализированным?

Причина этого заключается в той модернизации древней истории, которой так грешат западные историки. Когда Т. Франк и Каррингтон говорят о специализированных хозяйствах древней Италии, то перед ними, незаметно для них самих, возникают современные им фермы, хозяева которых располагают превосходными транспортными средствами, всяческими видами искусственного удобрения и дорогами, которые залиты асфальтом. Им ничего не стоит проехать на легком грузовичке несколько десятков километров; наличие искусственного удобрения позволяет сократить до минимума число домашних животных. Итальянский хозяин был лишен этих ресурсов и этих удобств; он вынужден был строить свое хозяйство на началах, резко отличных от тех, на которых строит хозяйство современный американский или английский фермер: ему нужно было иметь большое количество скота, чтобы удобрять землю; трудность перевозок (тяжелые телеги; медлительные волю; плохие проселочные дороги) вынуждала его стремиться к максимальной независимости от рынка. Вся окружающая обстановка, хозяйственная и бытовая, толкала его к созданию хозяйства с рядом различных отраслей.

Представление о специализированном хозяйстве древней Италии возникло давно; утвердил его своим железным автори-

тетом Моммзен. Привыкнув мыслить юридическими категориями, он вычертил стройную и логическую схему, очарование которой отнюдь не развеялось для большинства западных ученых. Основные линии этой схемы таковы: заморские завоевания отдали Италии области, которые смогли снабжать ее огромным количеством такого дешевого хлеба, что полевое хозяйство стало совершенно невыгодным: богатые землевладельцы от него отказались и превратили свои поля в масличные сады и виноградники или же обратились к скотоводству, которое природные условия Италии позволили организовать как кочевое (переходы с зимних пастбищ на летние и обратно), избавлявшее хозяина от всяких забот о кормах. Крестьяне, не получавшие теперь никакого дохода со своих маленьких участков, продавали землю богатым соседям, а сами уходили в Рим, рассчитывая на получение дарового хлеба.

Таким образом, возникли, с одной стороны, огромные латифундии, с другой — класс нищего люмпен-пролетариата, беспоконного и продажного, который все больше и больше заполнял Рим. Получалась картина, довольно близко напоминавшая Пруссию XIX в. и крупные промышленные города тогдашней Европы.

Схема Моммзена, которая покоряет своей строгой логичностью и убедительной простотой, грешит, однако, невниманием к реальной хозяйственной жизни и некоторым пренебрежением к тем источникам, которые, казалось бы, именно в данном вопросе заслуживают сугубого внимания: к авторам, писавшим по вопросам сельского хозяйства. Так, у Варрона мы прочтем, что Италия, в которой, как нам было сказано, хлеба почти не сеяли, посылала к морю из Апулии и Калабрии караваны с хлебом (ч.ч. II.6.5); Апулийская пшеница считалась одной из лучших (ч.ч. I.2.6); Кампания, это царство виноградников и масличных садов, сеяла полбу в таком количестве, что вела заморскую торговлю своей знаменитой полбяной крупой (Пл. XVIII. 109). Отары овец, табуны лошадей, стада крупного рогатого скота не довольствовались одним подножным кормом, а требовали регулярной дачи зерновых. Достаточно подсчитать количество заморского хлеба, получаемого Италией во II в. (цифры неоднократно сообщаются Ливием), чтобы убедиться в том, что хлеба этого хватало только на армию: Италия должна была жить своим хлебом. Виноградарство и маслиноводство, которые стали несомненно широко развиваться во II в. в Италии, отнюдь не заставляли отказать от посева зерновых: Италия стала переходить к комбинированным культурам: маслинники и виноградники, в которых лозы вились по деревьям, неизменно засеивали хлебом. Реальная сельскохозяйственная действитель-

ность древней Италии, которую можем мы воссоздать на основании наших источников, литературных и археологических, очень далека от юридических схем и модернистских построений западных ученых.